

3. Рубинский, Ю. И. Французы у себя дома / Ю. И. Рубинский. - М.: Молодая гвардия, 1989. - 288 с.
4. Япп, Н. Эти странные французы / Н. Япп, М. Сиретт. - М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001, - 72 с.
5. Cocton, M.-N. Methode de français / M.-N. Cocton, I. Cros. - Paris: Les Editions Didier, 2015. - 224 p.

О РОЛИ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП (ПОЛЕЙ)
РУССКОГО ЯЗЫКА XIX в.

В. М. Шетэля

Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, 1/1, 119435 Москва, Россия
e-mail: szetela@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса о влиянии польского языка на лексические поля русского языка. Интерес к польской тематике в определенные промежутки времени выразился в интересе к польскому языку, без слов и оборотов которого не могла обойтись русская литература, пресса для описания событий, связанных с Польшей.

Ключевые слова: польский язык, русский язык, русская литература, Польша, Россия, заимствование.

ON THE ROLE OF THE POLISH LANGUAGE IN THE DEVELOPMENT
OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP (FIELD)
OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XIXTH CENT.

V. M. Shetelya

Moscow State Pedagogical University,
Malaya Pirogovskaya Str. 1/1, 119435, Moscow, Russia
e-mail: szetela@mail.ru

The article is devoted to consideration of a question of influence of Polish on lexical fields of Russian. Interest towards the Polish subject in certain periods was expressed in interest towards Polish without which words and turns of the Russian literature, the press for the description of events connected to Poland couldn't do.

Key words: the Polish language, the Russian language, Russian literature, Poland, Russia, borrowing.

В период, когда остро встает вопрос о взаимодействии культур в условиях глобализации, не лишним будет определить характер этого процесса в былые времена.

XIX в. – очень значимый для польского народа исторический период из-за происходивших в это время ряда польских восстаний и возмущений. Казалось бы, что польское население, оказавшееся разделенным и подчиняющимся юрисдикции других государств (России, Австро-Венгрии и Германии), не может оказывать никакого влияния на культуру и языки этих народов. Но все же указанный период также обозначился влиянием польской культуры и языка на народы названных государств и их языки. Имеются здесь в виду не только языки славянской семьи, входившей в состав российской империи (восточной и западнославянской), а где-то и влияние на немецкий язык как язык народа, соседствующего с поляками. Возможно, что культурные и языковые различия разных культур и языков (поляков и белорусов, украинцев, русских), хотя и близкородственных по отношению друг к другу, могли все же способствовать развитию отдельных лексико-семантических групп (ЛСГ) языков, а прежде всего русского языка, о котором здесь прежде всего пойдет речь в его публицистическом варианте.

Интерес к польской тематике в определенные промежутки времени выразился в интересе к польскому языку, без слов и оборотов которого не могла обойтись русская литература, пресса для описания событий, связанных с Польшей.

Авторы газетных и журнальных статей, посвященных восстанию 1863 г. и национально-освободительному движению, повсеместно употребляют слова: повстанец (польск. *powstaniec*) – «польское слово, вошедшее в русский язык только в начале 1863 г., в период последнего восстания в Польше; значит инсургент» [14]; повстание (польск. *powstanie*) – «восстание»; повстанский (польск. *powstański*) – «то же, что повстанческий» [20, с. 135]; жонд (польск. *żąd*) – «правительство» и некоторые другие.

Интересно, что при просмотре газетной подшивки «Московских ведомостей» за 1863-1864 гг. указанные выше полонизмы не употребляются все сразу, а как ключевые понятия, на которых держится газетное сообщение, употребляются в определенной последовательности. Последовательность определялась темой

выступления автора, что, может быть, связано было с постепенным поступлением информации.

Первым из таких слов оказалось слово повстанец, употребленное в статье «О последних событиях в Польше» в газете «Московские ведомости» (№ 24, 30 января 1863 г.). Цикл статей под этим заглавием в очередных номерах газеты являлся распечаткой лекции П. С. Лебедева, которую он прочитал для слушателей Академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге в 1855 г. Полковник, а затем редактор известной газеты «Русский инвалид» П. С. Лебедев подробно описал подготовку будущих повстанцев в Италии, план и тактику военных действий в Польше, структуру подразделений и даже такой факт, как график отпусков бойцов повстанческой армии. Здесь повстанцы не назывались словом бунтовщик или мятежник, которые обычно употреблялись в газетных сообщениях в период польского восстания 1830-1831 г. Повстанец представлен был как боец этого подпольного войска со своим офицерским и рядовым составом. Не случайно Н. С. Лесков в своем произведении «Некуда» (1863 г.) пишет: «У дверей этого сарайчика, сидя на корточках, дремал рядовой повстанец» [11]. См.: один из первых текстов с этим новым словом из статьи П. С. Лебедева: «Все названные здесь пункты должны служить горнилами (ogniska) восстания, с тем, чтобы заставлять русские войска раздробляться и наступать отдельными колоннами по сплошным теснинам, выход из которых всегда был бы в руках повстанцев» [2]. Слово в тексте отмечено курсивом. Слово распространилось, см.: «Вы, может быть, думаете, что я вам напишу что-нибудь о восстании и повстанцах. Но здесь нет ни одного, ни другого. Есть кучка людей, бродящие по лесу, и называющих себя повстанцами» [3]. Когда читатель был уже достаточно насыщен подобной информацией, то на газетной полосе появлялись новые слова, как напр.: слово повстание (повстанье), прилагательное повстанский. Интересно, что именно так это слово звучало в это время в польском языке, см.: «Wojsko powstańskie» [27]. В современном польском языке эта форма не столь активна в пользу прилагательного powstańczy.

Повстание — «восстание»: «И вот запродажные вестовщики трубят, что повстание крепнет, одерживая победу за победой» [2]; «Хочется жонду возвести повстание в народное дело, чтобы вырваться на волю из лесных таборов» [2]; «Результатом этих мер

было то, что не только крестьянское население, но и мещанское в маленьких городах ободрилось и начало нелегально высказывать желание отделаться от крайне разорительного для него *повстанья*» [2].

Повстанский: «Кавалерию мятежников нагнал майор Занкисов около колонии Мушары и преследовал ее лесами и болотами ... На всем этом пространстве линейцы уничтожали повстанских всадников [2]. Названные слова достаточно частотные в русской речи данного и последующего периода. Встречаются как в текстах публицистических, так и в текстах художественной литературы. См.: «[Гонорат:] Я тебе, пожалуй, и расскажу одну историю... [Мориц:] Клянусь, что это что-нибудь из вашей повстанской службы» [12].

Слово жонд (ржонд) часто с прилагательным народный (*narodowy* – «национальный») заменило в какой-то промежуток времени название центральный комитет – «руководящий орган восставшей страны». См., напр.: «*Стражница* 1861 года советовала молодежи организовать «десятки». Из этих десятков образовалась «народная организация», а из нея центральный комитет и нынешний народный жонд» [2]; «Жонд объявил, что с 1-го февраля все повстанцы расквартированные теперь в деревнях и городах должны собраться в банды; к тому времени должны возвратиться из-за границы и офицеры» [2].

Но не только данная группа слов, связанная с революционными событиями, проникала в русскую печатную и устную речь. Известно, что в данный период в хореографическую терминологию русского языка вошли названия польских танцев: краковяк – «*quadrille de Cracovie*» [6]: «Пьяные паны и дворяне изо всех сил отдирали краковяк» [4, с. 320]. Мазурка – «Польская национальная пляска Мазуров с трехдольным тактом, а также салонный танец того же характера» [22]: «Изображаются в балете Краковские крестьяне и крестьянки, в народном костюме и в народных танцах – мазурке, краковяке и оберташе» [3, с.119]; «Мазурка раздалась. Бывало, когда гремел мазурки гром, в огромном зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком» [16, с. 275] и многие другие. См.: А. В. Филиппов, 2006 [8].

Каждый из этих и других танцев польского происхождения исполняются персонажами литературных произведений XIX века. Каждое из этих названий имеет значительную научную литера-

туру. Каждое из слов, обозначающих танец, имеет и другие значения. Так, слово краковяк обозначает и жителя краковской области, а слово мазурка – «женщину мазурской народности», а также «разновидность печения с изюмом».

Единицы других ЛСГ довольно часто соотносятся с русскими словами диалектного ареала их функционирования. Если рассмотреть слова из тематической группы «праздники», то слово дожинки (польск. *dożynki*) отмечено в словаре Ушакова, как областное, см.: «обл. Последний день жатвы, обычно празднуемый в деревнях» [22, с. 742]. Как иллюстрацию к данному слову, приведем пример из газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая анонсировала спектакль под этим названием: «"Дожинки", сценическое представление» [18]. Слово встречается и в других текстах, напр.: *дожинки* [5]; «Важнейший деревенский праздник – дожинки, т. е. окончание жатвы» [7, с. 154]; *дожинки* [13, с. 370]; «Дожинки, масленница, плясовые забавы, трудовые обычаи» [1].

Вероятно, слово кьермаш (польск. *kiermasz*) целиком из польского словаря в знач. «ежегодная ярмарка», а также «ежегодный праздник в честь святого» [25, с. 229]. Слово употреблено в текстах, где имеются страноведческие пояснения, напр.: «У нас тут послезавтра кьермаш, гости понаедут, охоту устроим» [9, с. 21]. В польском слово *kiermasz* датируется 1500 г. [25, с. 229]. А Брюкнер отметил немецкие *Kirchmesse*, *Kirmes* как источники для этого слова [26, с. 228-229].

Кулиг, кулик (польск. *kulig*) – «ряженный» [23, с. 411]; «санный карнавальный поезд»; «Кулик (или кулиг) – народная масленничная забава в старой Польше. Название от слова *kula* – шар. Разукрашенный жезл с шаром наверху служил знаком власти предводителя группы ряженных, музыкантов, плясунов и певцов» [21, с. 752]; «Стихотворение «Кулиг» было опубликовано в 1831 году в Варшаве и принадлежит к лучшим образцам повстанческой лирики Ю. Словацкого. Кулиг (кулик) – масленничная старопольская забава, санный поезд, который едет по окрестным усадьбам, увлекая за собой хозяев. Здесь это образ, символизирующий рост повстанческих рядов, расширение восстания» [15, с. 401]; «Приехала на кулик шляхта к нам» [21, с. 195]. Текст Ю. Словацкого «Кулиг» в переводе Б. Л. Пастернака был опубликован в сборнике «Польская лирика» [15, с. 183-188]. Но не

только в этом тексте употреблено это слово, см.: «Число «кулиг» увеличивалось с каждым днем. Шляхетские «кулиги» ничего не стоили в сравнении с крестьянским движением» [19].

Соботка (польск. *Sobótka*) – «праздник пасхальной ночи, вечер-ночь с пятницы на субботу (оттуда и название) перед днем св. Яна, т. е. 23 июня» [26, с. 505]; «народный польский праздник, гуляние в ночь накануне Дня Ивана Купалы» [24, с.118]: «Горы Сobotки ныне Цобтень, в 2 милях от Швейдницы (Свидница), гора особой пирамидальной формы..., на вершине которой Славяне праздновали свои языческие соботки» [17]; «Полиция установила точную дату смерти экономки – двадцать третье июня, а это была Собутка» (...) «Разумеется, я помнила выдумку о Собутке, которую вынуждена была подsunуть Эве как доказательство, но хотя Собутка и приходилась на тот день, не такое уж это событие, чтобы в век техники и прогресса широко отмечалось в Польше» [24, с. 203, 226].

На примере подобных слов, находящихся часто в ЛСГ на перифериях лексических систем, но все же называющих различные явления польской жизни, можно отметить непрекращающийся процесс взаимовлияния и взаимодействия языков. Данный процесс происходит даже в неблагоприятные для народов исторические периоды.

Литература

1. Московская среда. - М, 2004. - № 2 (10). - С.18.
2. Московские ведомости. - М., 1863-1864 гг.
3. Северная пчела. - СПб., 1853,1863 гг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://mirknig.su/jurnali/jgumanitarnie/120789-arhiv-gazety-severnaya-pchela-za-1825-1861-1863-1864-gody-10610-nomerov.html>
4. Гоголь, Н. В. Гетман / Н. В. Гоголь // Собр. соч.: в 6 т. - М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. - Т. 1. - С. 282-327.
5. Живописная Россия: Царство Польское. - М.: Тип. О. Вольф, 1896. - Т. IV,-4.1.-С. 293.
6. Карманный французско-российский и российско-французский словарь Ольдекопа. - СПб.: de l'impr. de la Confection des papiers de la couronne, 1,1831. - С. 364.
7. Киркор, А. Этнографический взгляд на Веленскую губернию / А. Киркор // Этнографический сборник, изданный Императорским Русским географическим обществом. - СПб., 1858. - Вып.3. - С.115-276.

8. Летагова, Т. В. Краткий словарь танцев / Т. В. Летагова, В. М.Шетэля. - М.: Флинта: Наука, 2006. - 271 с.
9. Крестовский, В. В. Кровавый пуф: Роман в 2-х книгах / В. В. Крестовский. - М.: Современный писатель, 1995. - Кн. 2. - 607 с.
10. Кундера, М. Шутка / М. Кундера // Иностранная литература. - 1990. - № 9. - С. 157.
11. Лесков, Н. С. Некуда / Н. С. Лесков // Собр.соч. - СПб., 1889. - Т. IV. - С. 758.
12. Лесков, Н. С. Антука / Н. С. Лесков // Собр. соч. - СПб., 1889. - Т. V. - С. 432.
13. Народы мира: историко-этнографический справочник; под ред. Ю. В. Бромлей. - М.: Сов. энцикл., 1988. - 624 с.
14. Настольный словарь по всем отраслям знания. - СПб.: Издание Ф. Г. Толля; Типография В. Безобразова и Комп. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://bookskeeper.ru/knigi/spravochniki-enciklopedii/17879-nastolnyy-slovar-dlya-spravok-po-vsem-otraslyam->
15. Польская лирика в переводах русских поэтов / Б. Слуцкий, Б. Стахеева. - М.: Худ. лит., 1969. - 432 с.
16. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Собр. соч.: в 3 т. - М.: Худ. лит., 1986. - Т. 2. - С. 186-53.
17. Риттих, А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование / А. Ф. Риттих. - Варшава, 1885. - С. 59.
18. Санкт-Петербургские ведомости. - СПб., 1857. - № 60 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://http://pressa.ru/ru/magazines/sankt-peterburgskie-vedomosti/archive/>
19. Сенкевич, Г. Потоп / Г. Сенкевич // Русская мысль. - М., 1887. - Кн. IX. - С. 64.
20. Словарь современного русского литературного языка. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. - Т. 10. - С. 135.
21. Словацкий, Ю. Избранное / Ю. Словацкий. - М.: Изд-во «Гос. изд-во худож. литер.», 1952. - 816 с.
22. Толковый словарь русского языка ; под ред. Д. Н.Ушакова.- М., 1935 - 1940. - Т. 1 - С. 4.
23. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. - М.: Прогресс, 1986. - Т. II. - 671 с.
24. Хмелевская, И. По ту сторону барьера : пер. с польск. В. С. Селивановой / И. Хмелевская. - М.: Фантом Пресс, 2000. - Ч. 1. - 287 с.
25. Borys, W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Borys. - Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. - 862 s.
26. Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. - Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 1998. - 805 s.
27. Słownik języka polskiego..., wypracowany przez A. Zdanowicza ii. - Wilno, wydany staraniem i kosztem przez M. Orgelbranda, 1861. - Cz. 2. - S. 1172.